

Арабский мир в 2010-е: игры метанарративов

Василий Александрович Кузнецов

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-95-112>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу социально-политической трансформации арабского мира в 2010-е гг. Произошедшие изменения рассматриваются через концепцию неомодерна, уже развивавшейся автором в ряде его более ранних публикаций. Ее ключевым тезисом является идея о новом обращении общества к метанарративам, или «большим рассказам», после того, как постмодернистская критика привела в попытках отказа от них к тотальному релятивизму. В первой части статьи на теоретическом уровне рассматривается проблема метанарративов, предлагается методология исследования социально-политических процессов, определяется общее влияние неомодернистской традиции на политическую реальность. Во второй части статьи выделяются основные современные (либеральный, левый, националистический, консервативный) и домодерные (племенной, исламистский) «большие рассказы», которые определяют содержание и характер общественно-политической жизни в арабском мире в 2010-е гг., ведут к проблематизации новых аспектов социальных отношений. Автор показывает, каким образом актуализация метанарративов сказалась на ходе политического процесса в арабских странах, а также на организации политических систем, выстраивании новых отношений между обществами и государствами. Третья часть статьи посвящена анализу международно-политических процессов в арабском мире. Выявляется влияние «больших рассказов» на конфигурацию региональной подсистемы отношений, формирование и развитие вооруженных конфликтов, состав ключевых игроков, специфику используемых ими стратегий, их идентичность и идентичность региона в целом. В заключении делается вывод о возможности постепенной гармонизации системы региональных отношений в случае формирования «гипертекста», дающего возможность сосуществования государств региона, руководствующихся разными нарративными стратегиями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

неомодерн, неомодернизм, арабский мир, арабское пробуждение, метанарративы

Десять лет, прошедшие после событий Арабского пробуждения, серьезно изменили облик Ближнего Востока, причем в самых разных отношениях. Какие-то из произошедших изменений очевидны и сразу бросаются в глаза, другие – менее заметны, но не менее существенны. Исследование этих последствий актуализировало огромный комплекс работ, один анализ которых мог бы стать предметом самостоятельного научного исследования. Вместе с тем легко заметить, что большая доля этих публикаций не претендует на теоретическое осмысление исследуемых процессов и не выходит за пределы эмпирического анализа. Довольно важными исключениями из этой общей закономерности среди отечественных авторов представляются некоторые публикации В.В. Наумкина¹, И.Д. Звягельской², К.М. Труевцева³, А.В. Коротаева⁴ и некоторых других авторов. Из зарубежных исследователей можно назвать Р. Хиннебаша⁵, С. Хайдемманна⁶, Б. Корани⁷. Вместе с тем, несмотря на то что труды этих ученых составляют, несомненно, значимый вклад в наше понимание происходящих в ближневосточном регионе процессов, предлагаемые ими теоретические объяснительные модели почти всегда касаются лишь каких-то отдельных феноменов общественной жизни, будь то политический ислам, протестные движения, или трансформация государственных институтов. Однако ключевой вопрос: можно ли создать некую общую концепцию для систематического описания происходящих изменений, остается в основном без ответа. Разрабатываемая в последние годы концепция неомодернизма, включая работы автора в этом направлении⁸, в значительной степени призвана заполнить этот пробел. В настоящей статье оцениваются произошедшие в арабском мире за последние десять лет изменения через это концептуальное переосмысление.

Неомодернизм и новое отношение к метарассказам

Исходное положение неомодернизма состоит в том, что вслед за эпохой постмодерна в последние годы мир переходит в новое постпостмодернистское состояние. Среди многообразных теорий, описывающих ключевые параметры этой новой реальности (метамодернизм, гипермодернизм, перформатизм)⁹, неомодернистская выделяется общей ориентированностью на анализ, прежде всего, социально-политической сферы. Отталкиваясь от переосмысления ключевого постмодернистского тезиса о недоверии к метанарративам¹⁰, или «большим рассказам», неомодернизм описывает новое состояние реальности, выдвигая четыре основных тезиса: на смену стремлению к упразднению метанарративов приходит стремление к их использованию; на смену ценностному релятивизму приходит стремление к новой проблематизации ценностей и смыслов соци-

1 Барановский, Наумкин 2018, 5–19; Наумкин 2019, 67–80.

2 Звягельская 2019, 105–123.

3 Труевцев 2017, 143–166.

4 Korotayev, Shishkina 2020, 296–318.

5 Hinnebusch 2015, 205–218; Valbjørn 2015, 218–238.

6 Heydemann 2020, 105019.

7 Korany 2014.

8 Kuznetsov 2020, 132–154.

9 Rudrum, Stavris 2015.

10 Lyotard 1979, 7.

ального бытия; на смену тотализирующей фрагментации приходит стремление к поиску новых единств. Наконец, все это осуществляется с опорой на постмодернистскую иронию. Поскольку три последних тезиса так или иначе выводимы из первого, то имеет смысл сказать о нем подробнее.

При всей важности для постмодернизма идея Ж.Ф. Лиотара о недоверии к метанарративам с самого начала вызывала серьезную критику и не была воспринята в англоязычной традиции, в частности Фр. Джеймисоном и П. Андерсоном. Первый указывал на то, что отрицая нарративы, Ж.Ф. Лиотар сам прибегает к нарративной форме в своих рассуждениях¹, второй же подозревал, что Ж.Ф. Лиотар осознавал несоответствие собственной концепции окружающей его капиталистической реальности, в которой метанарративы капитализма, демократии, прав человека были далеки от упразднения².

Парадокс сложившейся ситуации состоял в том, что сколь бы ни были правы критики Ж.Ф. Лиотара и сколько бы ни ниспровергала сама жизнь ключевое положение всей его теории, именно оно оказалось способно несколько десятилетий демонстрировать свою мощь, определяя развитие значительной части философского знания, культуры, а вслед за ними и всего мировоззрения нескольких поколений людей по всему миру.

Если внимательнее вчитаться в текст Ж.Ф. Лиотара, то можно заметить, что философ всегда говорил не об упразднении «больших рассказов», а о недоверии к ним³, которое порождает лишь (но вовсе не обязательно воплощаемую в жизнь) возможность отказа от них. Частичная реализация этой возможности в отношении одних метанарративов (социализм, коммунизм и т.п.) создала обманчивое впечатление об окончательной победе других (капитализм, демократия, права человека и т.п.), однако и они, как вскоре выяснилось, подвергались постепенной эрозии. Примером этого может служить реакция ряда интеллектуалов на идеи Ф. Фукуямы о всепобеждающем марше демократии, ведущем к «концу истории», рассуждения Ф. Закарии о нелиберальной демократии, продемонстрировавшие, как повсеместное распространение демократических процедур оборачивается отсутствием конституционного либерализма и хорошего управления⁴. Другой пример – З. Бауман, рассуждавший в 2000 г. о «текучей современности» и «легком» капитализме (в противовес «тяжелому» капитализму XIX–XX вв.) с гораздо более осторожных позиций⁵, чем в начале 1990-х гг., когда он выступал провозвестником постмодернизма и утверждал его социальную теорию, необходимость появления которой, с точки зрения философа, прямо вытекала из основных черт нового состояния реальности: институционализированного плюрализма, разнообразия, случайности и амбивалентности⁶.

Дискуссии 1990–2000-х гг. о демократии и авторитаризме, быстрое распространение гибридных политических режимов по всему миру, кризис политических партий и идеологий в Европе ярко продемонстрировали, что в тот момент, когда

1 Jameson 2009.

2 Anderson 1998.

3 Lyotard 1979.

4 Zakaria 2003.

5 Bauman 2000.

6 Bauman 1992, 187.

противостояние двух нарративных политических стратегий (социалистической и капиталистической) увенчалось почти полным поражением одной из них, вторая начала размываться, постепенно превращаясь, если использовать словарь Ж. Бодрийара, в некий симулякр, «кажимость», в референта без обозначаемого. О полном упразднении нарративов речи не шло, однако о скепсисе в отношении них – вполне. И в этом смысле политическая реальность конца XX – начала XXI в. оказывалась вполне постмодернистской.

Если вернуться к Ж.Ф. Лиотару, то стоит напомнить, что его знаменитое эссе о постмодернизме завершается рассуждением о «микронарративах» и локальных консенсусах – рассуждением, как правило, проходящим мимо читателя: «если достигнут консенсус по поводу правил, определяющих каждую игру, и допустимых в ней «приемов», то этот консенсус должен быть локальным, т.е. полученным действующими ныне партнерами и подверженным возможному расторжению»¹.

В контексте неомодернистской концепции эта мысль очень важна. Проблема с ней заключается в том, как провести границу между мета- и микронарративами в социальной и политической жизни, если мы признаем, с одной стороны, что метанарративы никогда в реальности не были тотальными и всегда существовали в каком-то множестве (и именно эта множественность оправдывала их нарративную функцию), а микронарративы при всей своей локальности не могут вести к полному распаду единых социальных пространств и окончательной атомизации.

Говоря в рамках неомодернистской программы о новом обращении к метанарративам, мы в конечном счете говорим о возвращении в политику диалога, об отказе от тотализирующего (и потому обесмысленного) нарратива, с одной стороны, и об отказе от полной фрагментации смыслов социального бытия, с другой. В каком-то смысле речь здесь идет не об отрицании идеи Ж.Ф. Лиотара, но о ее последовательной реализации. Упомянутые философом локальные консенсусы возможны только тогда, когда они заключаются на фоне подразумеваемого «консенсуса о консенсусах» – своеобразного «гипертекста», иначе процесс фрагментации не остановить, и ситуация скатывается к полной атомизации.

В эпистемологическом плане новое обращение к метанарративам (их осознание, признание их значимости, не отрицающее, впрочем, и скепсиса в их отношении) позволяет переосмыслить анализ политического (как понимаемых в широком смысле политических систем, так и процессов), которое в этой перспективе может рассматриваться как производная фрагментированных, но взаимодействующих между собой нарративов, производящихся политическими акторами, каждый из которых борется с другими за возможность превратить денотативные высказывания сначала в прескриптивные, а затем и в перформативные, навязав иным игрокам собственный «большой рассказ» о реальности. Таким образом, политические отношения могут рассматриваться как конкуренция различных нарративов, а политическое действие того или иного актора может быть понято через анализ разделяемого им нарратива – изначальной системы денотативных высказываний.

1 Lyotard 1979.

Этот анализ неизбежно предполагает обращение к текстуальным свойствам нарратива, а следовательно, и выявление его литературности. Элементы, из которых он состоит, будучи элементами текста, увязываются воедино не столько посредством логических или хронологических связей (всего того, что входит в понятие так называемого «здравого смысла»), сколько посредством литературных связей, предполагающих наличие композиции, а также при помощи системы образов с использованием тропов. Одновременно литературность предполагает и соответствие текста определенному легитимизирующему его культурному контексту (который, вероятно, может рассматриваться как метанарратив второго уровня), что существенно ограничивает творческую свободу автора – политического игрока.

Такой подход, в свою очередь, позволяет обращаться к методологии Х. Уайта, предложенной им в «Метаистории» для анализа классической историографии XIX в.¹ Несмотря на очевидные различия между политическим и историческим нарративами, между текстом о прошлом и действием в настоящем (и относительно настоящего), некоторые идеи Х. Уайта представляются вполне универсальными – на них, в частности, опирался Ф.Р. Анкерсмит, увязывая политику с эстетикой посредством идеи репрезентации². Кроме того, несомненно, удобным для практического анализа оказывается и литературоведческий метод Уайта.

Из контекстуальности нарратива следует, что политическая стратегия любого участника политических отношений не только неизбежно является частью определенного литературного сценария, но и обязательно соответствует некоему культурному контексту, навязанному извне. Таким образом, политическое действие приобретает эстетическое измерение.

Так, через установление связи между доминирующими литературно-эстетическими нормами и политическими реальностями, в рамках которых действуют различные акторы, создаются основания для анализа политических процессов с литературно-эстетических позиций, причем этот анализ, по всей видимости, должен начинаться с выявления доминирующей стилистики, в рамках которой выстраивается контекст любого действия или произведения.

Таким образом, выявляется следующая последовательность: литературный нарратив, характер которого зависит от культурного контекста, определяет поведенческую стратегию политического актора, а она – его конкретные действия. Взаимодействие акторов, порождающее политический процесс и формирующее политические системы и культуры, таким образом, может рассматриваться как литературная игра – «диалог» нарративов, осуществляемый в рамках определенного «гипертекста».

Итак, акторы в этих взаимодействиях могут руководствоваться одними или разными нарративами; какие-то нарративы могут занимать доминирующее положение, иные же – оказываются вытесненными на периферию политического пространства. В мире домодерна доминирующим нарративом оказывается эпос, в иерархично организованном мире модерна – роман, однако в постмодер-

1 White 1975.

2 Ankersmit 1997.

нистской реальности, стремящейся к уничтожению больших нарративов, нарративы фрагментируются, в результате чего сама возможность диалога постепенно утрачивается, а политическое пространство начинает распадаться. Наконец, в ситуации неомодерна оно возвращается, однако возвращается обновленным, выстраиваясь уже не как иерархическая система, подчиненная одному доминирующему нарративу, но как сложная мозаика различных нарративов, увязываемых друг с другом при помощи постмодернистской иронии и виднеющегося на горизонте легитимирующего «гипертекста».

Попробуем теперь, имея в виду описанный методологический подход, набросать эскиз политической трансформации арабского мира через призму метанарративов.

Арабский мир 2011–2020: политические процессы как нарративные игры

Имея в виду изменения, происходившие на трех основных уровнях (общества, политические системы, региональные подсистемы отношений), нам в дальнейшем анализе достаточно будет сосредоточиться только на первом и третьем: трансформация политических систем может быть описана имплицитно.

Общественно-политические отношения

Рассматривая пути развития арабского мира с помощью неомодернистского подхода, приходится признать, что отмеченный выше скепсис в отношении базовых метанарративов эпохи модерна (национальное государство, демократия, авторитаризм, любая из формально провозглашавшихся идеологий и т.д.), которым характеризовались конец XX – начало XXI в., в этом регионе проявил себя едва ли не ярче, чем где-либо еще. Самыми очевидными примерами эрозии «больших рассказов» служат, конечно, провозвестники Арабского пробуждения – Тунис и Египет, однако увидеть ее вполне можно и в других странах, включая Ливию при позднем М. Каддафи, и в странах, в которых в конце XX – начале XXI в. происходила деидеологизация политических режимов, когда элементы самых разных идеологических дискурсов использовались элитами для достижения прагматических целей. В совокупности с экономическим неолиберализмом идеологическая эклектика вела к формированию обществ потребления, развитие которых, однако, в большинстве случаев не было обеспечено экономическим потенциалом. Результатом всех этих процессов стал серьезный ценностный кризис многих арабских социумов, растущее ощущение разочарования (особенно в сфере семейно-брачных отношений) и относительная депривация¹.

Мощные протестные волны, прокатившиеся по всему региону в 2011–2019 гг., обернулись коллапсом практически всех республиканских политических режимов. Исключение составляют Ливан и Ирак, да и то лишь потому, что политический кризис начался в этих двух странах раньше, чем в других. Самым очевидным политическим результатом коллапса стал (редко подмечаемый отечественными авторами)

1 Muldering 2013.

явственный закат арабского авторитаризма. Если в 2010 г. из всех арабских республик демократическими могли с известными оговорками считаться только Ливан и Ирак, то сегодня лишь пара стран могут считаться авторитарными. Принято считать, что монархии региона оказались устойчивее к вызовам времени, однако и им в большинстве своем пришлось предпринять срочные меры по политической трансформации. Эти меры вовсе не ограничивались техническими манипуляциями вроде принятия туманных поправок в конституции¹ или передачи министерских постов хоть и умеренно исламистской, но все же чрезвычайно лояльной власти политической партии². В Саудовской Аравии консолидация власти в руках наследного принца М. бин Салмана обозначила курс королевства на масштабные реформы, затрагивающие все стороны жизни общества³. В других монархиях реформы носили, может, и не столь одиозный характер, но по-своему оказались не менее впечатляющими: во всех случаях они были направлены на национальную консолидацию обществ и выработку стратегий национального развития⁴.

Впрочем, изменения в организации политической жизни были вызваны более серьезной перестройкой всей сферы общественных отношений. Примечательно, что во многом впервые в новейшей истории региона вопросы светскости и места религии в социальной и политической системах, цивилизационной идентичности, соотношения частного и общественного интереса, гендерного неравенства оказались в центре общественных дискуссий.

Эти дискуссии, в свою очередь, могут рассматриваться как производные того самого нового обращения к «большим рассказам», о котором говорилось ранее. Как представляется, эти рассказы довольно отчетливо подразделяются на два блока: современные, которым соответствуют определенные идеологии, и домодерные, совсем не обязательно соответствующие политическим идеологиям. Вся общественная жизнь, в свою очередь, может рассматриваться как взаимодействие этих описывающих реальность нарративных стратегий. Если одни общественные группы полностью идентифицируют себя с определенными нарративами, то другие (их большинство) благодаря использованию постомодернистских привычек к скепсису и иронии могут довольно вольно переходить от одного нарратива к другому, заимствуя разные их элементы.

Явственнее других внешним наблюдателем читается либеральный нарратив. В целом, он соответствует широко распространенному описанию Арабского пробуждения как события, начинающегося с бунта раздавленного системой человека. Таковы случаи поджегшего себя в Сиди-Бу-Зиде М. Буазизи, за которым последовало множество самосожжений по всему региону⁵; реакции общества на арест за антиправительственные граффити подростков в Дара'а в Сирии или на арест в Бенгази Ф. Тербиля, правозащитника, представлявшего интересы семей жертв массовых репрессий в тюрьме Абу Салим в 1996 г.

Либеральный и в сущности своей романтический нарратив предполагает стремление вывести на передний план общественной повестки вопросы инди-

1 Мохова 2012, 330.

2 Ibid., 398–400.

3 Bianco 2018, 13–33.

4 Abraham 2015, 6–15.

5 Khosrokhavar 2012, 169–179.

видуальных прав и свобод – с ним связана не только критика авторитаризма, но и вопросы границ свободы слова и уважения к сакральному, прав различных меньшинств, проблемы гендерного неравенства, звучащие в арабских общественных дискуссиях все громче. Зримым проявлением такого нарратива становится повсеместный рост гражданской активности, заметной как по ненасильственным протестным движениям (таким как алжирский Хирак), так и по деятельности НПО, число которых за последние десять лет резко увеличилось в большинстве стран¹.

Отчетливо присутствуя в общественной жизни арабских стран, либерализм проникает в официальный политический дискурс, способствуя демократизации политических систем, проявлением чего становится рост значимости электоральных процессов в регионе.

Другим занимающим существенное место в общественно-политической жизни нарративом остается нарратив левых, в отличие от либерального неплохо представленный не только в активности гражданского общества, но и в деятельности политических партий левого и ультралевого толка, а также в интерпретации реальности рядом правительств. Эта интерпретация не просто предполагает акцентирование внимания на социально-экономических проблемах общественного развития (бедность, безработица, отсутствие социальных лифтов, коррупция и т.п.), которые, несомненно, важны, но также означает стремление к упорядочиванию мира, вопреки деструктивному хаосу окружающей реальности. С этим, вероятно, связано естественное стремление левых к политической институционализации, к реорганизации мира не только снизу – через гражданское действие – но и сверху, через изменение политической системы или хотя бы участие в ней. Хотя можно привести довольно много примеров политических организаций левого толка во всех арабских странах, в большинстве случаев они занимают маргинальное положение. Определенное исключение здесь, конечно, составляют Сирия, где партия «Баас» сохраняет свою левую идентичность, по крайней мере на формальном уровне, а также – Алжир.

Исторически в арабском мире к левому нарративу были всегда близки националистические – прежде всего общеарабский, но также страновые и субрегиональные. Более того, если их и можно разделить как политические идеологии, то как метанарративы они существуют в некотором единстве, пользуются практически одинаковым языком описания реальности, видят телеологическую заданность в историческом развитии, стремятся реорганизовать мир, обнаруживая в нем приблизительно одни и те же проблемы. Характерно, что существующие и сегодня в большинстве государств региона баасистские и насеристские партии сочетают в себе оба этих нарратива: в Сирии, как показал в своей монографии И.А. Матвеев², Сирийская национал-социальная партия остается едва ли не вторым по значимости игроком на контролируемом Дамаском политическом поле; в Алжире, Сирии и Ираке партии, представляющие этнические меньшинства (берберов в одном случае, курдов – в другом), сочетают левую и этнонациональную повестки.

1 Кузнецов 2018, 6–23.

2 Матвеев 2020, 72–75.

Отчасти эта близость объясняется спецификой восприятия социальной и национальной проблематики в арабском мире в условиях национально-освободительных движений первой половины XX в., подменявших в своей политической активности классовую борьбу антиколониальной.

Довольно существенным представляется, что помимо давно укорененных форм национализма в последние годы арабский мир стал свидетелем и совершенно новых. Проявлениями одной из них могут считаться само Арабское пробуждение 2011 г., массовые протестные движения в Алжире, Судане, Ливане и Ираке 2019–2020 гг. Во всех этих случаях имело место не просто совпадение, но очевидное взаимовлияние политических процессов в разных странах, обмен опытом как между протестующими, так и между противостоящими им властями, заимствование лозунгов и форм организации, способов консолидации и мобилизации общества. Все это свидетельствовало не только о сохранении, но и об определенном упрочении культурно-коммуникационного арабского единства. Можно сказать, что Интернет и новые средства коммуникации придали свежих сил общественному арабскому единству. Другая форма нового национализма – сознательно выстраиваемая рядом стран идеологическая конструкция, впрочем, проявляющая себя скорее на международно-политическом уровне.

Помимо арабского национализма, конечно, необходимо упомянуть и об усиливающейся тенденции к национальной консолидации на страновом уровне, проявляющейся в том числе во все большем внимании обществ к локальным проблемам развития, включая вопросы экологии (в особенности, мусора¹ и воды²), социально-экономических реформ (в начале 2010-х – образования, однако после 2020 г., вероятно, к ним добавится и здравоохранение), борьбы с коррупцией. Примечательно в этом отношении, что недовольство политикой именно в этих сферах становилось драйвером протестных движений. При всей схожести стоящих перед арабскими обществами вызовов, сам их локальный характер в совокупности с нарастающей дифференциацией экономик ведет к размежеванию направлений политического развития государств региона.

Наконец, еще один современный метанарратив, про который необходимо упомянуть, может быть обозначен как консервативный. Бесконечно апеллирующий к некоему «здоровому смыслу» и тоскующий о былых славных временах, он, в сущности, базируется на чувстве ресентимента и сводится к постоянному стремлению найти внешнюю причину всех потрясающих регион неурядиц. В зависимости от конкретных обстоятельств «корень зол» может обнаруживаться во враждебной политике Запада, Ирана, Турции, Израиля или поддерживающих исламистские движения монархиях Персидского Залива, однако итогом его всегда становится одно и то же – парализующее разочарование в настоящем.

Помимо описанных, можно назвать два или три домодерных «больших рассказа» о реальности, определяющих поведение политических игроков в арабском мире. Один из них – племенной, на протяжении многих десятилетий прозябавший в тени реализовывавшихся проектов построения современной государ-

1 "Waste Management Key to Regaining Public Trust in the Arab World," The World Bank, March 14, 2016, accessed November 1, 2020, <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2016/03/14/waste-management-key-to-regaining-public-trust-arab-world>.

2 Филоник 2017, 7–30.

ственности и в большинстве стран региона (за исключением, пожалуй, только монархий Залива) считавшийся слишком архаичным, чтобы очевидным образом определять политический ландшафт. Определенная архаизация, естественным образом сопровождавшая ослабление государственных институтов, способствовала легитимизации этого метанарратива в целом ряде государств. В особой степени это касается таких стран, как Ливия, Йемен, Ирак – тех, где, с одной стороны, племенные структуры и без того сохранялись, а с другой, центральная власть оказалась ослаблена более, чем где-либо еще. Для этого метанарратива характерно эпическое отношение к политической реальности, мыслящейся как поле постоянной борьбы за ограниченные ресурсы между основанными на той или иной лояльности (*асабийи*) группами. В отличие от любого из современных «рассказов», племенной метанарратив с самого начала не предполагает возможности окончательной победы одной из сторон и, соответственно, какого бы то ни было прогресса. Государственное управление, экономика, социальная сфера, культура – все это лишь новые поля бесконечных сражений, которые в принципе не могут закончиться ничьей окончательной победой. Доминирование подобного отношения к реальности в странах, переживающих вооруженные конфликты, в значительной степени определяет неудачи в их урегулировании.

До определенной степени к племенному метанарративу близок и конфессионалистский, в рамках которого основные группы лояльности формируются не на кровно-родственной или территориальной основе, а на религиозной. Ливанский опыт построения консоциональной демократии¹ оказывается здесь довольно убедительным.

Наконец, последний метанарратив, или, точнее говоря, целый кластер метанарративов, о которых необходимо упомянуть, – исламистский: от наиболее умеренного до самого радикального. Общая их черта – восприятие мира через герменевтику Священного Писания. Это вовсе не обязательно означает желание немедленно утвердить религиозную норму как основу общественной жизни. Однако практически всегда это означает уверенность в существовании глобального исламского проекта, в предопределенной победе этого проекта, в возможности и необходимости движения вперед посредством возвращения к вере праведных предков, что на практике может пониматься совершенно по-разному, а также зачастую приверженность к свойственной исламской культуре дихотомии явного–скрытого (*захир-батин*), что, в свою очередь, ведет к широкому использованию так называемого двойного дискурса.

Общим итогом последних десяти лет общественно-политического развития региона можно считать нормализацию исламистского дискурса. При том что некоторые исламистские партии (такие как «Братья-мусульмане» в Египте) вслед за коротким периодом эйфории были вынуждены пережить тяжелые времена и оказались вытеснены за пределы легального политического пространства, в целом позиции политического ислама все же укрепились. За исключением Сирии, умеренные исламистские партии и движения сегодня получили представительство практически во всех арабских странах, где парламентское представительство

1 Сарабьев 2019, 89–112.

ство вообще существует, а исламская риторика стала более явным элементом политического дискурса даже в тех странах, где у власти находятся вовсе не исламистские силы.

Рост популярности идей политического ислама в совокупности со снижением давления на умеренных исламистов с одной стороны, а с другой – необходимость искать ответы на все новые угрозы и вызовы привели к тому, что сама палитра движений политического ислама стала гораздо более разнообразной, нежели ранее. Помимо традиционного противостояния между исламистами и светскими, сегодня в регионе обнаруживается и множество новых расколов, на этот раз внутри самого исламистского лагеря: между умеренными и радикалами, между одними радикалами, вроде ИГ, и другими, вроде Аль-Каиды¹, между «Братьями-мусульманами» и салафитами, между разными направлениями салафитов и т.д.

Сложное взаимодействие всех этих метанарративов создает полифонию общественно-политической жизни в арабских странах, находя выражение на самых разных ее уровнях – от наполнения контента общественно-политической повестки до определения формы и динамики политического процесса и архитектуры политических систем.

Понятно, что сам по себе нарративный анализ политического пространства возможен не только для ситуации неомодерна. Однако характер использования «больших рассказов» политическими акторами и взаимодействие между ними отличается здесь определенной спецификой. Для ситуации модерна в принципе характерно стремление к выстраиванию жесткой иерархии метанарративов, в рамках которой какие-то из них занимают доминирующее положение и стремятся вытеснить на периферию все остальные. Преисполненный скепсиса мир постмодернизма, в свою очередь, стремится к отказу от «больших рассказов» вообще, что в конечном счете неизбежно ведет к разрушению политики и подмене ее обеспечивающей госуправление политтехнологией. Это вовсе не обязательно немедленно ведет к ухудшению качества управления – в конце концов, длительность пребывания у власти свергнутых в 2010-е гг. арабских правителей в значительной степени объяснялась их технократической эффективностью. В одних странах (Тунис, Египет) эта эффективность означала модернизацию и длительный период экономического роста, в других – способность власти к сбалансированному перераспределению ренты (Ливия), в третьих – их умение преодолевать конфликты и консолидировать общество (Алжир). Однако отказ от политического делал невозможным определение целей развития, лишал общества образа будущего и, соответственно, делал фактически невозможным развитие в долгосрочной перспективе.

Неомодернистское возвращение политики, происходящее в том числе в арабских монархиях, знаменует собой возможность нового развития – характерно, что именно 2010-е гг. были ознаменованы формированием многочисленных долгосрочных стратегий развития стран ССАГПЗ². Однако это вовсе не означает немедленного успеха. В конечном счете даже в Тунисе, который обыч-

1 Обе организации запрещены в России.

2 Мелкумян 2019, 601–609.

но приводят в пример как наиболее успешную страну Арабского пробуждения, 2010-е гг. обернулись затяжным экономическим и чередой политических кризисов; а еще недавно считавшиеся совершенно благополучными страны ССАГПЗ впервые за долгое время столкнулись с целой серией политических, экономических и идеологических вызовов.

С точки зрения неомодернистского подхода, переход от кризиса к развитию должен обеспечиваться формированием системы продуктивного взаимодействия акторов, руководствующихся разными нарративами, – созданием своеобразного «гипертекста». В тех случаях, когда этого «гипертекста» не просматривается, ситуация может прийти к полному разрушению единого политического пространства.

Нарративные игры и региональная подсистема отношений

На протяжении всех последних десяти лет описанные выше общественно-политические процессы прямо сказывались на региональной ближневосточной подсистеме отношений, оказавшейся вынужденной пережить, пожалуй, самую серьезную трансформацию со времен деколонизации (впрочем, до сих пор еще не завершенную). Первым и самым очевидным следствием начавшихся с Арабского пробуждения трансформаций стала смена политических режимов в целом ряде государств и существенное обновление политических элит.

В трех случаях массовые протестные движения обернулись формированием новых очагов вооруженных конфликтов – в Сирии, Ливии и Йемене, оттеснивших на периферию региональной повестки арабо-израильский конфликт. В рамках предложенного подхода эти конфликты сами по себе могут рассматриваться как результат отсутствия объединяющих соответствующие общества «гипертекстов», что в условиях актуализации метанарративов вело к превращению политического взаимодействия на страновом уровне в «игру с нулевой суммой».

Это, в свою очередь, сделало фактически невозможным политическое решение конфликтов с ведущей ролью гражданского общества. Примирение при посредничестве внешних игроков также оказалось малоэффективным: ни один из международных процессов политического урегулирования до сих пор не увенчался успехом. Относительную эффективность продемонстрировал Астанинский формат, однако его задачей был не поиск всеобъемлющего решения, а деэскалация, обеспечивавшаяся прямым военным присутствием стран-посредников. Отчасти неудачи в урегулировании были связаны с ограниченностью инструментов влияния внешних акторов, однако не меньшее значение имело и то, что со временем сами конфликты начали играть в регионе новую роль, превратившись в системообразующие элементы региональной подсистемы отношений. Создав общие угрозы для всех ближневосточных акторов, они предопределили секьюритизацию региональной политики. В совокупности с обострившейся борьбой за региональное лидерство это способствовало формированию многочисленных «дилемм безопасности».

Другим результатом возвращения «больших рассказов» стало переосмысление собственного места в международной системе отношений ближневосточными игроками, происходившее в условиях изменения подходов к региону со стороны глобальных акторов.

В последние десять лет произошло пусть и связанное с реализацией огра-

ниченного круга интересов усиление военно-политической роли России, резко усилилось положение Китая как основного торгового партнера для целого ряда государств. При этом США сохранили курс на снижение вовлеченности, и серьезный успех администрации Д. Трампа в нормализации отношений Израиля с рядом арабских государств этого общего тренда не изменил. Маловероятно, что он изменится при следующей американской администрации Дж. Байдена. Наконец, европейские игроки демонстрируют ограниченность собственных интересов в регионе.

Результатом всего этого стало расширение возможностей региональных держав, кажется, впервые еще с доколониальных времен взявших инициативу в свои руки. Неарабские государства стали вести более активную политику, претендуя (и вполне успешно) на региональное лидерство. Очевидным образом это касается Турции и Ирана, но отчасти также и Израиля, чья интеграция в региональную систему отношений ускорилась. В то же время в арабском мире произошла серьезная перебалансировка сил, в результате чего ключевые позиции заняли Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар, соперничество между которыми резко усилилось. Если в случае с Катаром оно нашло проявление в развивающемся на протяжении трех лет политическом кризисе, то в случае с саудовско-эмиратскими отношениями оно носит более завуалированный характер и проявляется в основном на территории третьих стран, прежде всего Йемена¹, в котором ОАЭ поддерживает силы Южного переходного совета, по сути, соперничающие с опирающимся на Королевство Саудовская Аравия правительством А.М. Хади. Египет, долгое время остававшийся центральной страной Ближнего Востока, несмотря на наличие серьезного потенциала, потерпел серию поражений даже на приоритетных внешнеполитических направлениях: в ливийском вопросе и в отстаивании собственных интересов по Нилу. В результате Турции, Ирану, монархиям Залива пришлось играть принципиально новую для себя роль в совершенно иных условиях.

Соперничество между ними содержит в себе не только (а часто и не столько) прагматические элементы, но и идеологические, связанные с приверженностью этих государств принципиально разным внешнеполитическим нарративам. Как и в случае с общественно-политической жизнью, внешнеполитические метанарративы в условиях неомодерна носят комплексный характер. Так, в случае с Турцией речь может идти как о неоосманизме, так и о пантюркизме, и о лояльности движению «Братьев-мусульман», предопределяющей выстраивание альянсов с идейно близкими силами в регионе. Во внешней политике Ирана сочетаются элементы шиитской солидарности, ностальгии по имперскому наследию и сопротивления неоколониализму. В случае с Саудовской Аравией происходит соединение консерватизма, означающего ориентацию на отстаивание узко понимаемых национальных интересов, и салафитской солидарности, в то время как ОАЭ использует концепцию арабского национализма. Примечательно, что идеологический элемент проявляется во внешней политике не только государств-лидеров. Так, предельно снизивший в последние годы внешнепо-

1 *UAE Influence in Yemen... Pillars and Harvest 2018*, 16.

литическую активность Алжир после отставки А. Бутефлики активно использует во внешней политике антиколониальный дискурс.

Несмотря на то что во всех упомянутых случаях присутствуют элементы использования идеологии в том числе для решения внутривнутриполитических задач, идеологическое противостояние ни в одном из случаев не может считаться всего лишь игрой изначально прагматичных акторов. Оно отражает сосуществование принципиально разных метанарративов, описывающих реальность вообще и пространство Западной Азии и Северной Африки (ЗАСА) в частности. То, что они могут разделяться одними и теми же акторами, ведет к наблюдаемой неоднозначности внешнеполитического поведения.

Если следовать предложенному разделению «больших рассказов» на современные и домодерные, то можно увидеть, что в рамках первых пространство ЗАСА интерпретируется как Ближний Восток, состоящий из территориально организованных национальных государств, преследующих собственные национальные интересы в условиях изначально свойственной международным отношениям анархии. В рамках вторых пространство ЗАСА оказывается уже частью исламского мира, состоящего из связанных между собой по сетевому принципу конфессиональных групп, стремящихся к утверждению религиозной истины и противопоставляющих международной анархии принцип единства мира. В рамках этих двух интерпретаций может быть выделено множество «больших рассказов», так или иначе соотносящихся с теми, что были описаны в предыдущем разделе.

В совокупности с усилившейся борьбой за лидерство идеологические факторы способствуют формированию региональных альянсов. Один из них – так называемая ось сопротивления – формируется Ираном и включает в себя Ирак, Сирию, «Хизбаллу» и другие шиитские движения. Второй организуется вокруг движения «Братьев-мусульман», к нему принадлежат Турция, Катар, часть Ливии, а также до некоторой степени сочувствующие им Алжир и Тунис. Наконец, третий, противопоставляющийся «Братьям-мусульманам» и Ирану, состоит из Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейна, Египта, Израиля, а также их союзников в Йемене, Ливии и других странах. До недавнего времени эти альянсы рассматривались аналитиками как ситуативные и секторальные, однако усиление в них идеологического элемента способствует их постепенному упрочению.

Одно перечисление участников альянсов позволяет выделить еще один существенный элемент новой региональной реальности – резкое усиление негосударственных акторов, в некоторых ситуациях способных выступать практически равноправными партнерами с государствами. Если добавить к этому, что помимо трех упомянутых альянсов, по-видимому, нигде не исчезла и транснациональная подпольная джихадистская сеть, при определенных обстоятельствах вполне способная составить конкуренцию некоторым национальным правительствам, то роль негосударственных акторов станет еще более очевидной. Впрочем, последних нельзя сводить исключительно к вооруженным формированиям или экстремистским организациям. Их спектр значительно шире и включает в себя множество самых разных структур, самостоятельная роль которых в региональных отношениях вполне может рассматриваться как следствие ранее упомянутого роста гражданской активности по всему региону.

Описанные процессы развиваются в условиях, с одной стороны, общего

кризиса системы международных отношений, а с другой – все большей дифференциации экономических и политических систем региона, палитра которых содержит в себе, кажется, вообще весь известный человечеству спектр возможностей: от примитивных до цифровых постиндустриальных экономик, от негосударственных потестарных систем до консолидированных демократий. Подобная дифференциация естественным образом приводит к фактическому параличу любых региональных политических институтов.

Некоторые выводы

Метамодернистский подход, как можно видеть, позволяет анализировать политические процессы разного уровня в комплексе, выявлять неочевидные связи между вопросами общественного, внутривнутриполитического и международного развития. Основной доминантой этих процессов, как было показано, за прошедшее десятилетие стало возвращение «больших рассказов», до определенной степени ознаменовавшее возвращение политики в ее изначальном смысле. Конкуренция различных метанарративов при таком взгляде на мир становится ключевым драйвером изменений.

Очевидно, что сценарии дальнейшего развития в значительной степени будут зависеть от способности конкретных обществ и региона в целом к формированию такого «гипертекста», в рамках которого различные метанарративы смогут сосуществовать, хотя и конкурируя друг с другом, но все же друг друга признавая. В этом плане подаренный нам эпохой постмодерна опыт иронии и скепсиса оказывается чрезвычайно полезным.

Если спуститься с теоретических высот к конкретной политической реальности, то признаки подобного развития событий сегодня уже просматриваются. За исключением государств, переживших в последние годы вооруженные конфликты, общественно-политические системы большинства стран региона продемонстрировали устойчивость и адаптивность к новым условиям. В региональной системе отношений формирующиеся линии расколов не означают все же полного отказа от любых форм сотрудничества даже между государствами, входящими в противостоящие друг другу альянсы, а выстраивание внешней политики с использованием разных метанарративов одними и теми же акторами создает условия для поиска компромиссов между ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Барановский, В., Наумкин, В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – Том 62 (3). – С. 5–19. [Baranovskii, V.G., and V.V. Naumkin. "The Middle East in the Changing Global Context: the Key Trends of Centennial Development." [Blizhnii Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste: klyuchevye trendy stoletnego razvitiya] *World Economy and International Relations* 62, no. 3 (March 2018): 5–19. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19>] [In Russian].

Демченко, А.В. Иордания // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. – М.: ИВ РАН, 2012. – 595 с. [Demchenko, A.V. "Jordan." [Iordaniya] In *Middle East, Arab Awakening and Russia: what is next?* Moscow: IV RAN, 2012] [In Russian].
Звягельская, И.Д. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 1. – С. 105–123. [Zvyagel'skaya, I.D. "Symbols and Values in International Relations in the Middle East." [Simvol'y i tsennosti v mezhdunarodnykh

otnosheniyakh na Blizhnem Vostoke] *Polis. Political Studies*, no. 1 (2019): 105–123. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.08> [In Russian].

Кузнецов, В.А. Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 6–23. [Kuznetsov, V.A. "Strengthening of Statehood in the Middle East in the Context of the Theory of Social Order." [Problema ukrepleniya gosudarstvennosti na Blizhnem Vostoke v svete teorii sotsial'nykh poryadkov] *Vostok (Oriens)*, no. 3 (2018): 6–23. DOI 10.7868/S0869190818030019] [In Russian].

Матвеев, И.А. Сирия в конфликте. – М.: «Интеграция: образование и наука», 2020. – 544 с. [Matveev, I.A. *Syria in the Conflict*. [Siriya v konflikte]. Moscow: «Integratsiya: obrazovanie i nauka», 2020] [In Russian].

Мелкумян, Е.С. Стратегии развития арабских монархий Залива: основные приоритеты // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26. Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика. – М.: ИВ РАН, 2019. – 648 с. [Melkumyan, E.S. "Development Strategies of the Arab Gulf Monarchies: Main Priorities." [Strategii razvitiya arabskikh monarkhii Zaliva: osnovnye priority] In *Institute of Oriental Studies Papers. Issue 26. Social and Political Processes in the East*, 601–610. Moscow: IV RAN, 2019] [In Russian].

Мохова, И.М. Марокко // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова. – М.: ИВ РАН, 2012. – 595 с. [Mokhova, I.M. "Morocco." [Marokko] In *Middle East, Arab Awakening and Russia: what is next?* Edited by V.V. Naumkin, V.V. Popov, V.V. Kuznetsov, 376–402. Moscow: IV RAN, 2012] [In Russian].

Наушкин, В.В. Территориальное и демографическое «упорядочивание»: ближневосточные вызовы // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 67–80. [Naumkin, V.V. "Right-Sizing and Right-Peopling: The Middle East Challenges." [Territorial'noe i demograficheskoe «uporyadochivanie»: blizhnevostochnye vyzovy] *Polis. Political Studies*, no. 6 (2019): 67–80. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.06>] [In Russian].

Сарабьев, А.В. Ливан: обыкновённая «консоциальная демократия» в региональном контексте // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – 12(4). – С. 89–112. [Sarabyev, A.V. "Lebanon: An Ordinary "Consoational Democracy" in the Regional Context." [Livan: obyknovennaya «konsotsional'naya demokratiya» v regional'nom kontekste] *MGI MO Review of International Relations*, no. 12(4) (2019): 89–112. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-89-112>] [In Russian].

Труевцев, К.М. Ближний Восток: морфология конфликта и постконфликтный дизайн // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – №10 (2). – С. 143–166. [Truvtsev, K.M. "Middle East: the morphology of conflict and post-conflict design." [Blizhnii Vostok: morfologiya konflikta i postkonfliktnyi dizain] *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 10 (2) (2017): 143–166. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-143-166] [In Russian].

Филоник, А.О. Арабский мир в фокусе водной проблемы // Арабский мир: контрасты водного баланса. – М.: ИВ РАН, 2017. – С.7–30. [Filonik, A.O. "Arab World on the Focus of Water Issue." [Arabskii mir v fokuse vodnoi problemy] In *Arab World: Contrasts of the Water Balance*, 7–30. Moscow: IV RAN, 2017] [In Russian].

Abraham, R. *Confronting the Challenge of Political Reforms in GCC States: Domestic Transition via Regional Integration*. Doha: Arab Center for Research and Policy Studies, 2015.

Anderson, Perry. *The Origins of Postmodernism*. London: Verso, 1998.

Ankersmit, Franklin R. *Aesthetic Politics: Political Philosophy beyond Fact and Value*. Stanford University Press, 1997.

Bauman, Zygmunt. *Intimations of Postmodernity*. London: Routledge, 1992.

Bauman, Zygmunt. *Liquid Modernity*. London: Polity, 2000.

Bianco, Cinzia. "Mohammad Bin Salman's Reforms: Obstacles, Opposition and Questions of Stability in Saudi Arabia." In *Saudi Arabia at a Crossroads. Reforms and Uncertainties Ahead*, edited by Annalisa Perteghella, 13–35. Milano: Ledizioni LediPublishing, 2018.

Heydemann, Steven. "Rethinking Social Contracts in the MENA Region: Economic Governance, Contingent Citizenship, and State-Society Relations after the Arab Uprisings." *World Development* 135 (November 2020): 105019. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105019>.

Hinnebusch, Raymond. "Introduction: Understanding the Consequences of the Arab Uprisings – Starting Points and Divergent Trajectories." *Democratization* 22, no. 2 (February 23, 2015): 205–217. <https://doi.org/10.1080/13510347.2015.1010807>.

Jameson, Fredric. *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press, 1990.

Khosrokhavar, F. "The Arab Revolutions and self-immolation." *Revue d'Etudes Tibétaines*, no. 25 (Décembre 2012): 169–179.

Korany, Bahgat, ed. *Arab Human Development in the Twenty-first Century: The Primacy of Empowerment*. American University in Cairo Press, 2014. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt15m7j6f>.

Korotayev, Andrey V., and Alisa R. Shishkina. "Relative Deprivation as a Factor of Sociopolitical Destabilization: Toward a Quantitative Comparative Analysis of the Arab Spring Events." *Cross-Cultural Research* 54, no. 2–3 (April 5, 2020): 296–318. <https://doi.org/10.1177/1069397119882364>.

Kuznetsov, Vassily A. "Neo-Modernity: A New Framework for Political Reality." *Russia in Global Affairs* 18, no. 2 (2020): 132–54. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-2-132-154>.

Lyotard, J.-F. *La condition postmoderne. Rapport sur le savoir*. Paris: Les éditions de minuit, 1979. <http://excerpts.numilog.com/books/9782707302762.pdf>.

Muldering, Chloe M. "An Uncertain Future: Youth Frustration and the Arab Spring." *The Pardee Papers*, no. 16. Boston University, April 2013. <http://www.bu.edu/pardee/files/2013/04/Pardee-Paper-16.pdf>

Rudrum, David, and Nicholas Stavris, eds. *Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century*. New York et al.: Bloomsbury Academic, 2015.

UAE Influence in Yemen... *Pillars and Harvest*. Abaad Studies & Research Center. Strategy Unit. September, 2018, accessed November 13, 2020. <https://abaadstudies.org/pdf-39.pdf>.

Valbjørn, Morten. "Reflections on Self-Reflections – On Framing the Analytical Implications of the Arab Uprisings for the Study of Arab Politics." *Democratization* 22, no. 2 (February 23, 2015): 218–38. <https://doi.org/10.1080/13510347.2015.1010808>.

White, Hayden. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1975.

Zakaria, Fareed. *The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad*. N.Y.: W.W.Norton & Company, 2003.

Сведения об авторе

Василий Александрович Кузнецов,
к.и.н., заведующий Центром арабских и исламских исследований
Института востоковедения РАН,
107031, Москва, ул. Рождественка, д.12.
e-mail: vasiakuznets@yandex.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 ноября 2020. Принята к публикации: 17 декабря 2020.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Кузнецов, В.А. Арабский мир в 2010-е: игры метанарративов // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (3). – С. 95–112.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-95-112>

Arab World in 2010s: Metanarrative Games

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the socio-political transformation of the Arab world in the 2010s. The author analyses its changes through the concept of neo-modernity, which was already developed in a number of his earlier publications. The key thesis is the idea of a new turn of society to metanarratives, or “big stories” after postmodern relativism led to attempts to abandon them. In the first part of the article, the problem of metanarratives is considered at the theoretical level. The author proposes a methodology for studying socio-political processes and determines the influence of the condition of neo-modernity on political reality. The second part of the article highlights the main modern (liberal, left, nationalist, conservative) and premodern (tribal, Islamist) “big stories”. These “stories” determine the content and nature of public and political life in the Arab world in the 2010s and problematize new aspects of social relations. It shows how the actualization of metanarratives affected the course of the political process in Arab countries, as well as the organization of political systems, building new relations between societies and states. The third part of the article is devoted to the analysis of international political processes in the region. The influence of “big stories” on the configuration of the regional subsystem, armed conflicts, the composition of key actors, the specifics of their strategies, their identity and the identity of the region as a whole is revealed. In conclusion, the author shows a possibility of gradual harmonization of the system of regional relations in the case of the formation of hypertext, which makes it possible for the coexistence of actors guided by different narrative strategies.

KEYWORDS

neo-modernity, the Arab world, metanarratives, the Arab awakening

Author

Vasily A. Kuznetsov,

Head of the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
107031, Rozhdestvenka st., 12, Moscow, Russian Federation.

e-mail: vasiakuznets@yandex.ru

Additional information

Received: November 1, 2020. Accepted: December 15, 2020.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kuznetsov, Vasily A. “Arab World in 2010s: Metanarrative Games.”

Journal of International Analytics 11, no. 3 (2020): 95–112.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-95-112>